

полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен, — сиречь есть захотел, — и после вечерии ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлеба немношко и штец дал похлебать, — зело прикусны, хороши! — рекл мне: „полно, довлет ти ко укреплению!“ Да и не стало ево» (А, ср. Б, 97—98).

Однако сравнение этого отрывка с Прянишниковским списком явственно обнаруживает основной сюжетный «каркас» эпизода: «... и потом кинули во Андроньев монастырь, в пустую полатку в земляную; и три дни в той темнице сидел не ядше. Во исходе третияго дне, не вем — человек, не вем — ангел, меня накормил в темнице, и рекл мне: „полно, довлет ти ко укреплению“. И не стало ево» (316).

Самое важное в отрывке Прянишниковского списка — это его почти полное совпадение с текстом первой челобитной Аввакума царю Алексею Михайловичу 1664 г.: «И потом во Андроньеве монастыре посадил под полату пустую в землю, и три дня и три нощи на чепи держал без пищи. И о сих всех благодарю, государь бога. Прости, государь, тут мне пищу принесе ангел за молитв святаго отца протопопа Стефана...» (725).

Если в редакции Б (как и в А, и в В) эта сцена заключения Аввакума — отражение целого мира чувств и размышлений героя, то в Прянишниковском списке, как и в первой челобитной, это лишь описание «чуда».

Событийный принцип повествования преобладает в Прянишниковском списке. В нем нет тех эпизодов вершинного мастерства Аввакума, которые делают его Житие произведением, сумевшим раскрыть душу человеческую. Знаменитой сцене с Настасьей Марковной («Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под ребят и под рухлишко дал две клячи, а сам и протопопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско гораздо! В иную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: „матушка-государыня, прости!“ А протопопица кричит: „что ты, батько, меня задавил?“ Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: „долго ли муки сея, протопоп, будет?“. И я говорю: „Марковна, до самыя до смерти!“ Она же вздохня, отвещала: „добро, Петрович, ино еще побредем“» (31—32, ср. 110—111) в Прянишниковском списке соответствует текст: «... Пять недель мы с женою рекою брели по го[ло]му льду, убивающесе о лед, гладни и наги. Везли на нартах пужную пищу и робят малых. Я же с детьми зимами промышляя нужную рыбенку и на всяк день долбил пролубей по десятку. Лед же тамо толст намерзает, в человека вышиною. И от тое работы не могу раскорчитца и ныне, да уже так будет и до смерти» (323).

Иногда, наоборот, текст Прянишниковского списка — даже более подробный, чем текст других редакций Жития, но эти «подробности» преследуют отнюдь не художественные, а информационные цели. Например, только в Прянишниковском списке читается подробное описание жизни Аввакума в мезенской ссылке: «... Да и повезли паки с Москвы в Пустозерской острожек с женою, и с детьми, и с домочадцы. А я по городам людей божиих учил, а их обличал, пестрообразных зверей. И бог остановил нас своим промыслом у окяна моря, на Мезени, от Москвы 1700-сот